

УДК 641.87:663.9+008+39+330(470:510)

Е. П. Ермачкова*Филиал Тюменского государственного университета,
Заводоуковск, Россия***А. П. Ярков***Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия***E. P. Ermachkova***The branch of the Tyumen State University,
Zavodoukovsk, Russia***A. P. Yarkov***Tyumen State University,
Tyumen, Russia*

Чай как средство диалога культур

Tea as means of dialogue of cultures

В статье рассмотрены особенности становления социально-экономических отношений России и Китая, в частности, пути распространения культуры чаепития с Востока на Запад. Российское государство ограничивало поставки различных товаров, ввозимых из-за границы, но для китайского чая делалось исключение. Благодаря массовому распространению и доступности для различных слоев населения чайная церемония, завезенная купцами и путешественниками в Западную Сибирь, стала показателем гостеприимства, просвещения, достатка, а также предметом изучения историков, культурологов, кулинаров.

Ключевые слова: чай, культура чаепития, ярмарка, таможня, Сибирский тракт.

In article, features of formation of the social and economic relations of Russia and China, a way of dissemination of culture of tea drinking from the East to the west are considered. The state limited deliveries of various goods imported from abroad, but for the Chinese tea exceptions became. Thanks to mass distribution and availability to various segments of the population, the tea ceremony delivered by merchants and travelers to Western Siberia became an indicator of hospitality, education, prosperity, and also a subject of studying of historians, culturologists, culinary specialists.

Keywords: tea, culture of tea drinking, fair, customs, Siberian path.

Экономические отношения во все времена были первым уровнем, весьма утилитарным, но диалога культур. Касалось это и достаточно закрытой от воздействия извне дальневосточной культуры. Обратное (со стороны востока) влияние (от единичных контактов — к долговременным связям) испытывала и культура различных групп населения, со временем консолидированных в составе единого Российского государства.

Известно, например, что «Корея отпускала произведения своего сельского хозяйства и скотоводства: хлеб, овощи, скот и пр., Япония ввозила преимущественно пшеницу, рис, соль, фрукты и лишь в очень ограниченном количестве — предметы роскоши» [1, с. 16]. Между тем, в фондах региональных музеев сохранились престижные вещи, привезенные из Китая, Японии. Например, в экспозиции Ишимского историко-краеведческого музея представлен набор столовых приборов из Таиланда, а в Ирбитском историко-этнографическом музее целая выставка посвящена восточной тематике.

Примечательно, что импортные предметы из Таиланда содержат изображения религиозной тематики, «расшифровать» которые из сибиряков и уральцев могли только представители высшего слоя и те из купцов, кто были знакомы «вживую» с носителями иного мировоззрения.

Уже в начале XV в. некоторые русские купцы встречали китайцев на восточных рынках [2, с. 6]. В период присоединения (в трактовке Е. П. Силина — «завоевания») Сибири были проложены два направления на восток: многовекторный «народный путь» и Бабиновская дорога, имевшая общегосударственное (стратегическое) значение, обеспеченное пунктами отдыха и перемены лошадей («ямами»), охраняемыми отрядами [3, с. 21]. Значительная часть главного Сибирского тракта проходила по левой ветви знаменитого Великого чайного пути — караванного маршрута XVI–XIX вв. между Азией и Европой, по которому из Китая в Россию доставляли товары (от Иркутска до Красноярска, Томска, Барабинска, Омска, Ишима, Тюмени, Москвы).

Собственно российско-китайские экономические отношения начались с договоренностей конца XVII в., но до 1728 г. они не получили заметного развития. Тогда и была установлена «разменная» торговля в Кяхте между Россией и Китаем. К середине XIX в. ее обороты

достигли 16 млн руб., а прибыль российской таможни при этом составила 5 млн руб.

Отечественные купцы начали закупаться в Кяхте — точке сбора и перепродажи товаров. Кяхту в литературе называли «песчаная Венеция», исходя из схожих функций — как пункта обмена продуктами производства и технологиями, и не только в зоне пересечения караванных путей. Кяхтинские товары (сахар, ткани — шелковые, бумажные и даба (грубая, окрашенная во всевозможные цвета), специи), распространялись по всем сибирским верстам, обогащая торговлю на местных ярмарках и торжках.

Если торговля на Петропавловской линии, в Троицке и дальше в степи осуществлялась купцами из веками контактировавших групп, то в Китае купцы из православных и мусульман сталкивались с чужой культурой и иным менталитетом. К тому же с самого начала учреждения кяхтинской торговли китайское правительство «постановило неперменным обстоятельством для своих подданных, переселившихся в Маймачен, сноситься только на их языке, стараясь мешать русским изучению китайского» [2, с. 115]. Лингвистическое преимущество позволяло китайцам вести торговлю по своим правилам, морально подавляя прибывших купцов.

Постепенно под влиянием многих факторов произошла переориентация торговли. Да и сами китайцы стали более благосклонно относиться к торговле с Россией, подстраиваясь под интересы ее жителей. Уже к середине XVIII в. китайские купцы проявили большую предприимчивость. На ткацких фабриках по их заказам изготавливали специальные ткани с изображением российского герба, предназначенные для продажи. Известно, что в 1759 г. сенатор Шувалов по распоряжению императрицы Елизаветы писал в Сибирский приказ, чтобы тот послал указ, наставление фабрикам Китая, чтобы не были «гербы один вверх, а другой вниз головами». Екатерина II запретила подданным России из числа купцов покупать такие ткани [2, с. 69].

Известно, что «китайское» предложение способствовало развитию кустарного производства, ориентировавшегося на производителей китайского шелка, а в Томске, Тюмени, Тобольске и других местах из него делали кушаки, ленты, ковры, шали.

И все же главным товаром оставался чай. Первые отечественные путешественники и купцы рассказывали, что в Поднебесной этот

напиток применялся исключительно как лекарство для избавления от различных болезней. До сих пор там существует пословица: «Каждая выпитая чашка чая разоряет аптекаря». Уже древние китайцы подметили, что напиток, приготовленный из сухой смеси чайных листьев, бодрил не только тело, но и ум, улучшал пищеварение, усиливал деятельность сердца и почек. При этом помнили: «Свежий чай — это лекарство, старый чай — яд». Между тем, появившись в Европе, этот напиток приобрел как новых почитателей, так и ярых противников. Уже в 1635 г. немецкий лекарь С. Паули издал трактат, описывавший негативные последствия чая.

Отечественным путешественникам напиток понравился. В 1659 г. посольство под руководством боярского сына И. Перфильева, идя через Тобольск по Иртышу, посетило Пекин, договорившись о взаимовыгодной торговле между государствами. Оно и привезло первые десять пудов чая. Из столицы мода на чай пошла по всему государству, и в первую очередь в Сибирь. Постепенно здесь сложилась своя культура потребления этого напитка, сначала его применяли исключительно как лекарство, мощное тонизирующее средство.

Непосредственное общение с китайцами в Кяхте способствовало развитию вкуса к чаю, но закрепило культуру потребления государства: в 1731 г. императрица Анна Иоанновна распорядилась по всем сибирским городам, дистриктам и крепостям продавать питьевой черкасский и китайский чай «по указанной цене лишь с небольшой уступкой или менять на товары и рухлядь». Этот товар, поступивший на Тюменскую таможенную, местный бурмистр И. Кривошеин рекомендовал для распространения по самой Тюмени и уезду по строго фиксированным ценам [4]. Как видим, сибиряки употребляли не только китайский чай, но и привезенный с Кавказа по тому же Сибирскому тракту, но уже с противоположной стороны.

Так как не только россияне, но и сибиряки привыкли к этому напитку, его закупки со временем значительно возросли. В 1755–1762 гг. через Кяхтинскую таможенную провезли 5–7 тыс. пудов кирпичного (для простого народа) и 6 тыс. пудов байхового (черного и цветочного) чая. Чай был широко представлен на сибирских и уральских ярмарках [5, с. 367–370]. Тому способствовало и запрещение в 1822 г. ввозить чай в страну через Турцию и Персию в пользу Китая. Данный стратегический товар наравне с пивом, спиртом,

сахаром, табаком, сигарами, патентованными лекарствами и огнестрельным оружием иностранцам запрещалось провозить в Сибирь и по морю, через устье реки Оби [6, с. 84]. А вот тем, кто вел торговлю со Средней Азией, наоборот, установили ряд льгот. Например, только в 1866 г. через Петропавловскую, Павлодарскую и Семипалатинскую таможенные в Тобольскую губернию среди прочих товаров привезли «чая разного» на 1 491 руб., а обратно в степь поступило того же товара уже на сумму почти в сто раз больше [7, с. 247].

В 1851 г. правительство установило на чай таможенную пошлину: с одного фунта ординарного торгового — 40 коп. серебром, цветочного и высших сортов зеленого — 70 коп., зеленого простого в бакчах и рассыпного — 47 коп., каменного — 10 коп., кирпичного — 6 коп. Когда в 1850–1852 гг. из Кяхты поступило 243 507 пудов байхового и торгового чая, на таможне осталось 4 506 693 руб. пошлин. На ярмарках Тобольской губернии в середине XIX в. товары делились на несколько категорий, в том числе на «жизненные» (разные масла, сало топленое и сырец, мыло, кожи и щетина и др.) и «роскошные» (чай, сахар, кофе, разные фрукты, конфеты, орехи и табак) [4, с. 207]. Последние поступали на крупнейшие ярмарки, оттуда небольшими партиями распространялись по сельским торжкам, а через систему магазинов и лавок — в провинцию. Например, в 1869 г. на знаменитой по всей Западной Сибири Никольской зимней ярмарке (располагалась в г. Ишиме на Сибирском тракте) среди иностранных европейских товаров самым популярным оказался сахар (из поступившего на 100 тыс. руб. осталось только на 2 тыс. руб.), из азиатских товаров лучше всего расходился чай (из привезенного на 92 тыс. ушло на 80 тыс.).

Конец караванной торговле положило открытие в 1903 г. Транссибирской магистрали, вследствие чего чай в Сибири и России значительно подешевел и стал общедоступен. Иногда его стоимость стали включать как часть заработной платы наравне с «деньгами и харчами».

Известно, что на рубеже XVII–XVIII вв. в России распространение получил кирпичный (прессованный) чай, который обычно заваривали в ведерном самоваре и выпивали без сахара. Проезжие столичные чиновники и путешественники считали, что в Сибири не бывает в продаже хорошего чая, объясняя это тем, что лучшие сорта чая отправляли из Кяхты прямо в Россию, а для сибиряков оставляли

посредственный. Любителям качественного натурального напитка приходилось выписывать его через знакомых из Кяхты.

Местные власти отмечали, что татары и бухарцы разносили по деревням самый ходовой товар: спички, духи, мыло, помаду, ваксу, ножички, зеркальца, продавали в розницу и чай, закупаемый на Ирбитской и Нижне-Новгородской ярмарках. По собственной инициативе к сухой заварке они подмешивали лабазник, бадан, кипрей или другие ароматические травы, собранные в близлежащих лесах и полях. Понятно, что такие махинации можно было проделать только с более дешевым развесным чаем, поэтому зажиточные сибирские крестьяне предпочитали покупать «кирпичики».

Дело в том, что сами китайцы подметили: чайная крошка хороших сортов способна давать довольно ароматный и более крепкий напиток, чем даже целые листья чая. Поэтому, чтобы не терять ценный материал, крошке придавали компактную удобную форму. Так в Сибири появились прессованные черные и зеленые чаи в виде кирпичиков, плиток, цилиндров, шаров массой от 100 г до 2,5 кг.

Чем выше социальный статус хозяев, тем темнее и крепче оказывался чай, и, наоборот, у бедных он напоминал современный слабо заваренный зеленый чай. При этом считалось: «Чай крепче, если он с добрым другом разделен»; «В городе чай — гостям угощение, в деревне — себе наслаждение»; «Коль чаем угощают, значит, уважают».

Чайной церемонии, как у китайцев, сибиряки не придерживались. Путешествуя по Китаю, архимандрит Софроний (Грибовский) отмечал, что «там пьют чай в чашках без блюдцев, да и чашки без ручек; а когда пьют манджуры и китайцы чай, то чашку берут за край, дабы не обжечь рук» [9, с. 162].

Сибиряки же отсыпали или отламывали в глиняный или фарфоровый чайник определенную норму заварки и просто заливали ее кипятком. Через несколько минут настоявшийся ароматный напиток разливали по стаканам. Если сначала этот напиток пили из простых глиняных или деревянных кружек, то в дальнейшем специально для чаепития стали приобретать фабричные чашки и блюдца, более состоятельные выписывали фарфоровые чайные сервизы из губернских городов и столицы. Даже народная поговорка «В хорошей посуде и чай вкуснее» стимулировала народ на приобретение более дорогой

и качественной посуды, которая у небогатых крестьян и мещан в дальнейшем передавалась по наследству и в приданое.

Так через утилитарные предметы и усвоение бытовых ритуалов в России развивалось представление, что Китай и его культура — «другое», но уже не «чужое».

1. *Гулишамбаров С. И.* Торговля, промышленность и пути сообщения в Сибири. СПб., 1893.

2. *Силин Е. П.* Кяхта в XVIII веке : Из истории русско-китайской торговли. М., 1947. 204 с.

3. *Хитров А.* К истории г. Ирбита и Ирбитской ярмарки. Ирбит, 1872. 86 с.

4. Государственный архив Тюменской области. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3770. Л. 1.

5. Список существующих в Российской империи ярманок. СПб., 1834. 533 с.

6. *Голодников К.* Тобольская губерния накануне 300-летия годовщины завоевания Сибири. 2-е изд. Тобольск, 1882. 181 с.

7. Списки населенных мест Российской империи. LX. Тобольская губерния. СПб., 1871. 470 с.

8. Памятная книжка для Тобольской губернии на 1860 г. Тобольск, 1860. 225 с.

9. Путешествие архимандрита Софрония Грибовского от Пекина до Кяхты в 1808 г. // Сибирский вестник, издаваемый Г. Спасским. 1823 год. Ч. 1. СПб., 1823. С. 160–170.